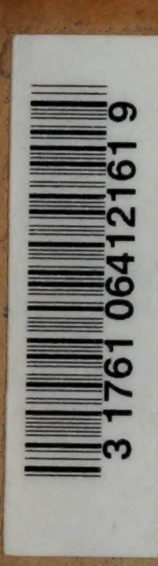

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

...й Комиссариат по Делам Национальностей.

И. Сталин.

СБОРНИК СТАТЕЙ.

I. Марксизм и национальный вопрос.

II. Октябрьский переворот и национальный вопрос.

III. Политика Советской власти по национальному ...вопросу.

Государственное Издательство.

1920 г.

3-я типография Тул. Губ. Сов. Нар. Хоз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Народный Комиссариат по Делам Национальностей.

И. Сталин.

СБОРНИК СТАТЕЙ.

I. Марксизм и национальный вопрос.

II. Октябрьский переворот и национальный вопрос.

III. Политика Советской власти по национальному вопросу.

Государственное Издательство.

1920 г.

3-я типография Тул. Губ. Сов. Нар. Хоз.

Предисловие.

В печатаемом нами сборнике помещаются статьи ов. Сталина по национальному вопросу, уже ранее оявлявшиеся в печати.

Если первые статьи, помеченные 1913 г., дают бщее обоснование национального вопроса в духе еволюционного марксизма то две последующие статьи, аписанные в 1918 и 1920 г., трактуют те слож-ые проблемы, связанные с национальным вопросом, оторые властно требуют ответа со стороны Совет-кой власти.

Жизнь доказала правильность основной концеп-ии автора, что разрешение национального вопроса ойдет не по пути персонально культурному, а тер-иториально областной автономии, что уже признано же большинством бывших противников автора этих атей.

Поэтому Наркомнац, выпуская настоящий сбор-ик, в котором, помимо теоретического обоснования ационального вопроса, уже намечены основные проб-емы, выдвинутые требованиями правильного устрое-ия жизни национальностей России, желает этим дать олчок, как для всестороннего теоретического иссле-ования громадного фактического материала, накопив-егося за последние годы, так и дать руководящие ити для практической деятельности в области нашей ациональной политики.

Издательство Наркомнаца.

От автора.

В настоящую брошюру вошли всего лишь три статьи по национальному вопросу. Определенный подбор статей, сделанный издательством, имеет, повидимому, тот смысл, что избранные три статьи отражают три важнейших периода в решении национального вопроса в рядах нашей партии, причем брошюра в целом имеет, очевидно, дать более или менее цельную картину политики нашей партии по национальному вопросу.

Первая статья („Марксизм и национальный вопрос", см. журнал „Просвещение", 1913 г.) отражает период принципиальных дискуссий по национальному вопросу в рядах российской социал-демократии в эпоху помещичье-царистской реакции за полтора года до начала империалистической войны, в эпоху наростания буржуазно демократической революции в России. Две теории нации боролись тогда и, соответственно, две национальные программы: *австрийская*, поддержанная Бундом и меньшевиками, и *русская*, большевистская. Характеристику обоих течений читатель найдет в статье. Последующие события, особенно же, империалистическая война и распадение Австро-Венгрии на отдельные национальные государства воочию показали, на чьей стороне правда. Теперь, когда Шпрингер и Бауэр сидят у разбитого корыта своей национальной программы, едва ли можно сомневаться в том, что история осудила „австрийскую школу". Даже Бунд должен был признать, что „требование национально-культурной автономии (т. е, австрийской нац. программы. И.С.), выставленное в рамках капиталистического

строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции" (см. „XII конф. Бунда", 1920 г.). Бунд и не подозревает, что тем самым он признал (нечаянно признал) *принципиальную* несостоятельность теоретических основ австрийской национальной программы, *принципиальную* несостоятельность австрийской теории нации.

Вторая статья („Октябрьский переворот и нац. вопрос", см. „Жизнь Национальностей", 1918 г.) отражает период после Октябрьской революции, когда Советская власть, победив контр-революцию в центральной России, столкнулась с буржуазно-националистическими правительствами на окраинах, как с очагами контр-революции, когда Антанта, встревоженная возрастающим влиянием Советской власти на ее (Антанты) колонии, стала открыто поддерживать буржуазно-националистические правительства в целях удушения Советской России, когда в ходе победоносной борьбы с буржуазно-националистическими правительствами перед нами встал практический вопрос о конкретных формах областной советской автономии, об организации автономных Советских Республик на окраинах, об распространении влияния Советской России на угнетенные страны Востока через восточные окраины России, о создании единого революционного фронта Запада и Востока против мирового империализма. Статья отмечает неразрывную связь национального вопроса с вопросом о власти и трактует национальную политику, как часть общего вопроса об угнетенных народностях и колониях, т. е., то самое, против чего возражали обычно „австрийская школа", меньшевики, реформисты, II ой интернационал, и что подтвердилось потом всем ходом событий.

Третья статья („Политика Советской власти по нац. вопросу в России", см. „Жизнь Национальностей", октябрь 1920 г.) относится к нынешнему периоду еще

не законченного административного передела России на основе областной советской автономии, к периоду организации на окраинах административных коммун и автономных Советских Республик, как составных частей Р. С. Ф. С. Р. Центр тяжести статьи—вопрос о фактическом проведении в жизнь советской автономии, т. е., вопрос об обеспечении революционного союза между центром и окраинами, как гарантии против интервенционистских предприятий империализма. Может показаться странным, что статья решительно отвергает требование об отделении окраин от России, как контрреволюционную затею. Но по существу в этом нет ничего странного. Мы *за* отделение Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетенных стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции. Мы *против* отделения окраин от России, ибо отделение в этом случае означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционной мощи Роосии, усиление позиции империализма. Именно поэтому Антанта, борясь против отделения Индии, Египта, Аравии, и прочих колоний, борется вместе с тем за отделение окраин от России. Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний от Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраины от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции. Из первой статьи можно было бы выбросить некоторые места, представляющие лишь исторический интерес, но ввиду полемического характера статьи пришлось пустить ее целиком и без изменений. Вторая и третья статьи печатаются также без изменений.

И. Сталин.

1920 г., октябрь.

Марксизм и национальный вопрос.

Период контр революции в России принес не только „гром и молнию,“ но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в „светлое будущее“, и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый расчитывает только на себя!- „Национальная проблема“ прежде всего.

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный под'ем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были прийти в движение.

В том же направлении пробуждения Национальностей действовал установившийся за это время „конституционный режим“. Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения способствовали усилению „национальных чувств“. Дума с ее избирательной

кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны „власть имущих", мстящих окраинам за их „свободолюбие"—вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма,—все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозя захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия—дать отпор национализму, оградить массы от общего „поветрия" Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и неразделность классовой борьбы. И чем сильнее надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи и прежде всего социал-демократы на окраинах. Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели:

дело дошло до того, что „празднование субботы“ и „признание жаргона“ об'явил он боевым пунктом своей избирательной кампании[1]. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. „культурно-национальную автономию“, теперь ее выставляет как очередное требование[2]. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов, дипломатически санкционировавшей националистические шатания[3].

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех еще с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьезное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов, против националистического тумана, откуда бы он ни шел.

I. Нация.

Что такое нация?

Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не рассовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бритов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация—не рассовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

---

[1]) См. „Извещ. IX конф. Бунда“.

[2]) См. „Извещ. август. конфер.“

[3]) См. там же.

С другой стороны несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражения того или иного завоевателя.

Итак, нация не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время, как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для них языка, между тем, как целости России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об оффициально-канцелярских.

Итак, *общность языка*, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. *Общий* язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций!

Нет нации, которая говорила бы сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке. Англичане и северо-американцы говорят на одном

ике, и все таки они не составляют одной нации.
же самое нужно сказать о норвежцах и датча-
, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-
ериканцы не составляют одной нации, несмотря
общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не сов-
тно, а на разных территориях. Нация склады-
тся только в результате длительных и регуляр-
 общений, в результате совместной жизни лю-
 из поколения в поколение. А длительная сов-
тная жизнь невозможна без общей территории.
гличане и американцы раньше населяли одну
риторию, Англию, и составляли одну нацию.
том одна часть англичан выселилась из Англии
новую территорию в Америку и здесь на новой
ритории с течением времени образовала новую,
еро американскую нацию.

Разные территории повели к образованию раз-
 наций.

Итак, *общность территории*, как одна из
актерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама
себе еще не дает нации. Для этого нужна,
ме того, внутренняя экономическая связь, спа-
ющая отдельные части нации в одно целое.
Между Англией и Северной Америкой нет
ой связи, и потому они составляют две различ-
 нации. Но и сами северо-американцы не зас-
кивали бы названия нации, если бы отдельные
лки Северной Америки не были связаны между
ой в экономическое целое, благодаря разделе-
 труда между ними, развитию путей сообще-
 и т. д.

Взять хотя бы Грузию. Грузины дореформен-
 времен жили на общей территории и говорили

на одном языке, тем не менее, они не составля строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые целый ряд оторванных друг от друга княжес не могли жить общей экономической жизн веками вели между собой войны и разоряли д друга, натравливая друг на друга персов и тур Эфемерное и случайное об'единение княжес которое иногда удавалось провести какому-нибу удачнику-царю, в лучшем случае захватыв лишь поверхностно административную сферу, стро разбиваясь о капризы князей и равнодуш крестьян. Да иначе и не могло быть при эко мической раздробленности Грузии. Грузия, нация, появилась лишь во второй половине Х века, когда падение крепостничества и рост э номической жизни страны, развитие путей со щения и возникновение капитализма установи разделение труда между областями Грузии, в нец расшатали хозяйственную замкнутость к жеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других наци прошедших стадию феодализма и развивших себя капитализм.

Итак, общность экономической жизни, *эко мическая связность* как одна из характерных о бенностей нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанно нужно принять еще во внимание особенно духовного облика людей, об'единенных в нац Нации отличаются друг от друга не только условиям их жизни, но и по духовному обли выражающемуся в особенностях националы культуры. Если говорящие на одном языке Англ Северная Америка и Ирландия составляют не менее три различные нации, то в этом не лую роль играет тот своеобразный психичесь

д, который выработался у них из поколения коление в результате неодинаковых условий ствования.

Конечно, сам по себе психический склад, или это называют иначе „национальный характер“, ется для наблюдателя чем-то неуловимым, но льку он выражается в своеобразии культуры, й нации, он уловим и не может быть игнован.

Нечего говорить, что „национальный характер“ ть нечто раз навсегда данное, а изменяется те с условиями жизни; но поскольку он сувует в каждый данный момент,—он наклады- на физиономию нации свою печать.

Итак, *общность психического склада*, сказываюя в общности культуры, как одна из харакых черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки и.

Нация—это *исторически* сложившаяся ойчивая общность языка, террито-, экономической жизни, психичего склада, проявляющегося в общти культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как кое историческое явление, подлежит закону кения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из нных признаков, взятый в отдельности, недочен для определения нации. Более того: дочно отсутствия хотя бы одного из этих призв, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим—национым характером и все-таки нельзя сказать, они составляют одну нацию, если они эконоски разобщены, живут на разных территориях,

говорят на разных языках. Таковы, например, рус-ские, галицийские, американские, грузинские горские евреи, не составляющие, по нашему мне-нию, единой нации.

Можно представить людей с общностью тер-ритории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка „национального характера“. Таковы, например немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на од-ном языке, но они не составляют одной нации силу отсутствия других признаков.

Только наличность всех признаков взятых вместе, дает нам нацию

Может показаться, что „национальный харак-тер“ является не одним из признаков, а един-ственно существенным признаком нации, приче все остальные признаки составляют, собственно условия развития нации, а не ее признаки. Н такой точке зрения стоят, например, известны в Австрии с.-д. теоретики национального вопрос Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру: „нация—это союз одинаково мыслящих и одинаково-говорящих людей“. Это— „культурная общность группы современных людей не *связанная с землей*“ [1]) (курсив наш).

Итак, союз одинаково мыслящих и говорящи людей, как бы они ни были разобщены друг о друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

„Что такое нация,—спрашивает он,—есть ли это общность языка, которая объединяет людей

---

[1]) См „Нац. проблемы“, Р. Шпрингера, стр. 43, изд. Общ. П 1909 г.

нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка, и составляют, тем не менее, нацию" [1]).

Так что же такое нация?

„Нация—это относительная общность характера" [2]).

Но что такое характер, в данном случае—национальный характер?

Национальный характер—это „сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой" [3]).

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет: „характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой", что... „нация есть не что иное, как общность судьбы", в свою очередь определяемая „условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда" [4]).

Таким образом, мы пришли к наиболее „полному", как выражается Бауэр, определению нации. „Нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы" [5]).

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной

---

[1]) См. „Нац. вопрос и социал-демократия", О. Бауэр, изд., „Серп", 1909 г., стр. 1—2.

[2]) См. там же, стр. 6.

[3]) См. там же, стр. 2.

[4]) См. там же, стр. 24—25.

[5]) См. там же, стр. 139.

связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и „вовсе не имеют они общего языка“ [1]; но о какой „общности судьбы“ и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими, американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на „судьбу“ упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая, социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще, как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего „национального духа“ спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между

---

[1]) См. там же стр. 2.

„отличительной чертой“ нации (национальный характер) и „условиями“ их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем собственно отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще „Новой Англией“?

Уже, конечно, не национальным характером: ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них, должно быть, вырабатывался свой особый характер. И, все-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию. Очевидно, „Новая Англия“, как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национ. характер), то другой (язык), то третий, (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от

почвы и превращает ее в какую то самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, повторяю, что это за, например, еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время? Нет не для таких бумажных „наций" составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными, живыми, живущими общей национальной жизнью нациями, заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях, как о нации, [1]) Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что „капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраняться как нации" [2]), ассимилируя их с другими нациями.

Причина оказывается в том, что „евреи не имеют замкнутой колонизационной области" [3]), в то же время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация.

Короче: причина—в отсутствии общей территории.

---

[1]) См. стр. 2 его книги.

[2]) См. там же стр. 389.

[3]) См. стр. 388.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих [1]), но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что „евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию“ [2]). Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: „*несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка*“ [3]) (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что „язык — это важнейшее орудие человеческого общения“ [4]), но он вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а, именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

2. Национальное движение.

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе, Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при

---

[1]) См. стр. 396.
[2]) См. стр. 2.
[3]) См. стр. 130.
[4]) См. стр. 130.

победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же время английским и пр. государствами. Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время, как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы: Австро Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы—они и взяли на себя дело об'единения австрийских национальностей в государстве. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры—ядро венгерских национальностей, они же об'единители Венгрии. В России роль об'единителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию.

Так происходило дело на Востоке.

Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план мелкие и отсталые национальности не успели еще экономически консолидироваться в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговля и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически сплачиваются. Ворвавшийся в

спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность Рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению „национальных чувств". Народившаяся национальная интеллигенция проникается „национальной идеей" и действует в этом же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты, румыны и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, поляки, армяне и пр. в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом.

На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков (русины и поляки), или вся „национальная" буржуазия про-

тив правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия—главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии—рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности—такова ее цель. Отсюда ее желание—обеспечить себе „свой“, „родной“ рынок. Рынок—первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полуфеодальная, полубуржуазная бюрократия господствующей нации со своими методами „тащить“ и не „пущать“. Буржуазия командующей нации—все равно, является ли она мелкой или крупной—получает возможность „быстрее“ и „решительнее“ расправиться со своим конкурентом. „Силы“ об'единяются, и начинается целый ряд ограничительных мер против „инородческой“ буржуазии, переходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на голову „конкурента“. Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку—все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она аппелирует к „родным низам“ и начинает кричать об „отечестве“, выдавая свое собственное

дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из „соотечественников“ в интересах... „родины“. И „низы“ не всегда остаются безучастными к призывам: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма,—это зависит от степени развития классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть свое собственное испытанное знамя и ему не за чем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают вопросы „земли“, как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть антиармянский национализм, но это потому, что там есть армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, все более и более разростаясь (Ирландия), Зап.

Галиция, или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и „борьбу за вывески“ (некоторые городки Богемии).

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии—„языковый“, здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания, там—„своих“ чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достойно внимания, что нигде не встречаешь требования о Бауэровском всеобъемлющем „национальном характере“. Оно и понятно: „национальный характер“, взятый **сам по себе**, неуловим и, как правильно заметил I. Штрассер, „с ним политику нечего делать“[1]).

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях подымающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба **по внешности** принимает „общенародный“ характер, но это только по внешности. **В существе своем** она остается буржуазной, выгодной и угодной, главным образом, буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей.

Ограничение свободного передвижения, лише-

---

[1]) См. его „Der Arbeiter und die Nation“, стр. 33, 1912 г.

ние избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задевают рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата угнетенных наций. Нельзя говорить о полном развитии духовных дарований татарского или еврейского рабочего, когда ему не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика национальных репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы—в сторону вопросов национальных, вопросов „общих“ для пролетариата и буржуазии, а это создает благодарную почву для лживой проповеди о „гармонии интересов“, для затушевывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьезная преграда делу об'единения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остается в стороне от интернационального рабочего движения, если она все еще находится в духовной кабале у польской буржуазии,—то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика „власть имущих“ дает почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От „системы“ угнетения она нередко переходит к системе натравливания наций, к „системе“ резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна,—в условиях отсутствия элементарных свобод,—там она нередко принимает ужасаю-

щие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и Юг России дают не мало примеров. „Разделяй и властвуй"—такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удается, она представляет величайшее зло для пролетариата, серьезнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих собратьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борятся и будут бороться против политики угнетения наций, как и против политики натравливания во всех ее видах.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т. е., только сама нация имеет право определить свою судьбу, т. е., никто не имеет права **насильственно** вмешаться в жизнь нации, **разрушать** ее школы и прочие учреждения, **ломать** ее нравы и обычаи, **стеснять** ее язык, **урезывать** ее права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу, ведя в тоже время агитацию против вредных учреждений и обычаев этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение, т. е., нация может устроиться по своему желанию, т. е., она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии,

она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения, она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что соц.-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов, две вещи разные.

Борясь за право нации на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать ее невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно, поэтому не может стать сознательный пролетариат под „национальное“ знамя буржуазии.

Именно, поэтому так называемая эволюционно-национальная политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой пролетариата. Попытка Бауэра отождествить свою „эволюционно-национальную“ политику с политикой „современного рабочего класса“ [1]) является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение националь-

---

[1]) См. книгу Бауэра, стр. 166.

ного движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но свести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата —возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

3. Постановка вопроса.

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно. Но как, именно, она должна устроиться, какие формы должна принять ее будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это еще не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т. е., для ее большинства, т. е., для трудящихся слоев. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих богов и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделение от государства. По смыслу пункта самоопределения они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как боги и муллы ведут за собой массы в деле решения на-

ционального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Все это—вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской Польши, и он был прав, ибо тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей ее низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, не академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов. Это не исключает, конечно, возможности известных внутренних и внешних коньюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,—таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация, какие формы должна принять ее будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации потребуется особое решение вопроса.

Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то, именно, здесь, в национальном вопросе.

В виду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространенного, но и очень огульного способа „решения“ национального вопроса, ведущего свое начало от Бунда. Мы говорим о легком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую [1]) социал-демократию, которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что все, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Коссовского:

„Когда на IV с‘езде Бунда обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идет о национальном вопросе. К. С.), то предложенное одним из членов с‘езда решение вопроса в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение. В результате

---

[1]) Южно-слав. соц.-демократия работает на юге Австрии.

„С'езд единогласно принял... национальную автономию“ [1]).

И—только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южнославянской социал-демократической партии, потом „одобрили“, а потом „единогласно приняли“! Так ставят и „решают“ бундовцы национальный вопрос в России...

Между тем, Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и об'ясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.) в духе резолюции южно славянской социал-демократической партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики национальной автономии, толкователи Брюннской национальной программы и резолюции южно славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

„Мы оставляем здесь, говорит Шпрингер, без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое; эти вопросы мы будем считать решенными. Для того, кто несогласен с упомянутой возможностью и необходимостью, наше исследование будет, конечно, безпочвенным. Наша тема гласит: данные нации вынуждены вести совместное существование; какие правовые фор-

---

[1]) „Вопросы национальности“, В. Косовского, стр. 16—17, 1907 г.

мы дадут им возможность *жить лучше всего?*" (курсив Шпрингера) [1]).

Итак, государственная целость Австрии, как исходный пункт.

То-же самое говорит Бауэр:

„Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству" [2]).

Опять-таки: целость Австрии первым долгом.

Может ли **так** ставить вопрос российская социал-демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой нация имеет право на отделение. Даже бундовец Гольдблат признал на втором с'езде российской социал-демократии, что последняя не может отказаться от точки зрения самоопределения. Вот что говорит Гольдблат:

„Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-нибудь нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в „законный брак" с Россией, то не нам ей мешать".

Все это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить о возможности позаимствования национальной программы у австрийцев?

---

[1]) См. „Нац. проблемы", стр. 14, Шпрингера.

[2]) См. „Нац. вопрос и социал-демократия", стр. 339, О. Бауэра.

Далее. Австрийцы думают осуществить „свободу национальностей“ путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не расcчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о „свободе национальностей“ с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания расчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России,

„Разумеется, говорит Бауэр, трудно думать, чтобы национальная автономия явилась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия итти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжелой борьбой, из за которой законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путем великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственный правовой строй“. [1]).

То же самое говорит Шпрингер:

„Я прекрасно знаю, пишет он, что институты подобного рода (органы национ. автономии. К. С.) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени.. Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не

---

[1]) см. „Нац. вопрос“, Бауэра, стр. 422.

знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуется для Австрии". [1]).

Все это очень определенно. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со „смелыми решительными действиями"? Могут ли они рассчитывать на частичные реформы, на „множество отдельных законов", как на средство завоевания „свободы национальностей"? А если они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении ограничиваться односторонней и половинчатой национальной автономией австрийцев? Одно из двух: либо сторонники позаимствования не рассчитывают на решительные и смелые действия, либо они рассчитывают на них, но „не ведают, что творят".

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, в виду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живет в условиях парламентаризма, без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и об'ясняется хронический кризис, которым Австрия давно болеет. В виду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Не удивительно, поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

---

[1]) ст. „Нац. проблемы", Шпрингера, стр. 281—282.

Не то в России. В России, во-первых, „слава Богу, нет парламента“. Во вторых—и это главное—осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а значит и „освобождения“ наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е., с уничтожением крепостнических остатков, т. е., с демократизацией страны. Этим и об‘ясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

„Бесплодие австрийского парламента, пишет Шпрингер, тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплоченность и вожди партий поэтому избегают всего того, что пахнет реформами. Прогресс Австрии мыслим вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неот‘емлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте постоянные боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач“ [1]).

То же самое говорит Бауэр:

„Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса об языке, из за маленькой ссоры возбужденных людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы“ [1]).

Все это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а

---

[1]) См. „Нац. вопр.“, Бауэра, стр. 401.

аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России, национальный вопрос—подчиненный.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи,—разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заниматься заимствованием программы могут лишь бумажные люди, „решающие" национальный вопрос вне пространства и времени?

Еще раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка— таков ключ к решению национального вопроса.

4. Национальная автономия.

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать ее программу своей.

Поговорим теперь о самой программе по существу.

Итак, какова национальная программа австрийских социал демократов?

Она выражается в двух словах: национальная автономия.

Это значит, во первых, что автономия дается скажем, не Чехии или Польше, населенным, главным образом, чехами и поляками, а вообще чехам и полякам, независимо от территории, все равно какую бы местность Австрии они ни заселяли.

Потому то автономия эта называется национальной, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д.,

взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации, и как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных, независимо от территории.

Это значит, в третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут ведать не „политическими" вопросами, а только культурными. Специфически политические вопросы сосредоточатся в общеавстрийском парламенте (рейхсрате).

Поэтому автономия эта называется еще *культурной*, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюннском конгрессе в 1899 г. [1]).

Упомянув о том, что „национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу", что „окончательное разрешение национального вопроса есть прежде всего культурная необходимость", что „разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права",—программа продолжает:

Сохранение и развитие национальных особенностей народов [2]) Австрии воз-

---

[1]) За нее голосовали и представители южно-слав. с.-д. партии. См. „Дебаты по нац. вопросу на Брюннском партейтаге", стр. 72. 1906 г.

[2]) В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в пер. Панина) вместо „национ. особен." сказано „нац. индивидуальн." Панин неверно перевел это место. В немецк. тексте нет слова „индивидуальность", там говорится о «Nationalen Eigenart» т. е., об *особенностях*, что далеко не одно и тоже. И. С.

можно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привиллегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок, вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные, самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом.

Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии [1].

Нетрудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы „территориализма", но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор национальной автономии, встречает ее

[1] См. „Verlandhungen des Gesamtparteitages в Брюнне, 1899 г.

с восторгом [1]. „Бауэр также разделяет ее, называя „теоретической победой“ [2] национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определенной формулировкой, говорящей о необходимого „конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию“ для заведывания школьными и прочими культурными делами [3])

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим ее научные основы.

Посмотрим как обосновывает австрийская социал-демократия проповедываемую ею национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определенной территории.

„Национальность, по Шпрингеру, не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации—автономные персональные союзы [4]).

Бауэр также говорит о нации, как о „персональной общности“, которой „не представлено исключительное господство в какой либо определенной области“ [5]).

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой,—они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капита-

---

[1]) См. „Нац. пробл.“ Шпрингера, стр. 286.
[2]) См. „Нац. вопрос“, стр. 549.
[3]) См. „Нац. вопрос“ Бауера, стр. 556.
[4]) См. „Нац. пробл.“ Шпрингера, стр. 74.
[5]) См. „Нац. пробл.“, стр. 19.

лизм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения Отсюда „непригодность“ территориальной автономии. Единственный выход из такого положения, по мнению Шпрингера и Бауэра, —организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

„Необходимо, говорит Шпрингер, дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями“[1]). Конечно, „закон легко создать, н ооказывает ли он то действие, которого от него ожидают“..... „Если хотят создать закон для нации, то прежде всего нужно создать самые нации“[2]). „Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможно“[3]).

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как „требование рабочего класса“, „конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа“[4]).

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

„Эта принадлежность, говорит Шпрингер, устанавливается национальными матрикулами;

---

[1]) См. „Нац, вопрос“, стр. 286.
[2]) См. „Нац. вопрос“, стр. 552.
[3]) См. там же стр. 88-89.
[4]) См. там же стр. 89.

каждый, живущий в области, должен об'явить о своей принадлежности к какой-нибудь нации" [1]).

„Персональный принцип, говорит Бауэр, предполагает, что население разделится по национальностям, на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан", для чего и „должны быть заготовлены национальные кадастры" [2]).

Далее. „Все немцы, говорит Бауэр, в национально-однородных округах, затем все немцы, внесенные в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают национальный совет" [3]).

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

„Национальный совет, по Шпрингеру, это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров и пр." [4]).

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы „сделать национальную культуру.... достоянием всего народа и таким единственно возможным образом *сплотить членов нации в национально-культурную общность*" [5]) (курсив наш).

Можно подумать, что все это имеет отношение только в Австрии. Но Бауэр с этим не сог-

---

[1]) См. „Нац. пробл.", стр. 226.
[2]). см. „Нац вопрос", 368; [3]) см. „Нац. вопрос", 375.
[4]) См. „Нац. пробл.", 234.; [5]) См. „Нац. вопр." 553.

ласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих как Австрия из нескольких национальностей.

„Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, свое требование национальной автономии“[1]).

Затем, незаметно подменяя самоопределение национальной автономией, продолжает: „Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей“[2]).

Но он идет еще дальше. Он глубоко верит, что „конституированные“ им и Шпрингером междуклассовые „национальные союзы“ послужат некиим прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, „что социалистический общественный строй... расчленит человечество на национально-отграниченные общества“[3]), что при социализме произойдет „группировка человечества на автономные национальные общества“[4]), что „таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пеструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций“[5]), что, следовательно, „социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии“[6]).

[1]) См. там же, 337.

[2]) см. там же, 333.

[3]) Там же, 555

[4]) „ „ 556

[5]) „ „ 543

[6]) см. там. же, 542

Кажется, довольно....

Такова обосновка национальной автономии в рудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо, несомненно, что: национальная автономия предполагает целость государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целости; что самоопредение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия—только „культурные" права. Это во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних коньюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии,—заявили же русинские с. д. на Брюнском партейтаге о своей готовности об'единить „две части" своего народа в одно целое[1]), как быть тогда с „неизбежной для пролетариата всех наций" национальной автономией?

Что это за „решение" вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целости государства.

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она дает лозунг организовать нации, но возможно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеи-

---

[1]) См. „Дебаты по нац. вопр. на Брюнск. партейтаге", ст. 48.

вает последние по разным областям Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплачиваются, но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселившихся в другие области государства, при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык . . . Спрашивается: возможно ли об'единить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз. Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы об'единить необ'единимое. Мыслимо ли „сплотить в одну нацию“, например, прибалтийских и закавказских немцев? Но, если все это немыслимо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но связность и единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма еще можно говорить о „культурной общности“ пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы „общность“ начинает таять. Нельзя серьезно говорить о „культурной общности“ нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой „общности судьбы“ может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат об'являет „войну войне“? Можно ли из таких противоположных элементов организовать

единый межлуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о „сплочении всех членов нации в национально-культурную общность“?[1]). Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

Но допустим на минуту, что лозунг „организуй нацию“—осуществимый лозунг. Можно еще понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся „организовать“ нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься „организацией“ нации, „конституированием“ наций, „созданьем“ наций?!

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые союзы! До сих пор у австрийской как и у всякой другой с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, „устарела“, теперь Шпрингер и Бауэр „ставят новую“, более занятную задачу: „создать, организовать“ нацию. . .

Впрочем логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту „новую“ задачу, но принять последнюю—это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

Национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утонченный вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о „сохранении и развитии национальных особенностей народов“. Подумайте только: „сохранить“ такие „национальные особенности“ закавказских татар, как самобичевание в праздник

---

[1]) см. „Нац. вопрос“. Бауера. 553.

„Шахсей-Вахсей“! „Развить“ такие национальные особенности Грузии, как—„право мести“!

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и, если он оказался в программе австрийских с. д., то потому, что национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но непригодная для настоящего, национальная автономия еще более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о „расчленении человечества на национально-отграниченные общества“ опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс еще в сороковых годах говорил, что „национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезают“, что „господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение“¹). Дальнейшее развитие человечества с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и об'единением людей на все более обширных территориях решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде „пестрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций“ является робкой попыткой заменить Марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливае-

¹) См. в начале этой главы.

мом Бауэром „социалистическом принципе национальности“, являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа классовой борьбы буржуазным принципом „национальности“. Если национальная автономия исходит из такого сомнительного националистического принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда, национализм бауэровской автономии искусство замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь броней социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу, распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления.

Но отрицательные качества национальной автономии этим не исчерпываются. Она подготовляет почву не только для обособления наций, но и для дробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина „национальной автономии“, дает наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с. д. партия, когда то единая, начала дробиться на отдельные партии еще с 1897 года (Вимбергский партейтаг). После Брюнского партейтага (1899), принявшаго национальную ав-

тономию, дробление еще больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с. д. партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому, можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведет к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Такова жатва национальной автономии.

5. Бунд, его национализм, его сепаратизм.

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: „должен ли еврейский рабочий класс требовать автономии для еврейского народа?“, Бауэр отвечает, что „национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих“[1]). Причина, по мнению Бауэра, в том, что „капиталистическое общество не дает им (евреям. И. С.) сохраниться, как нации“[2]).

Короче: еврейская нация перестает существо-

[1]) см. „Нац. вопрос“, стр. 381, 396.
[2]) см. там же, стр. 389.

вать—стало быть, не для кого требовать национальной автономии Евреи ассимилируются.

Взгляд этот о судьбе евреев, как нации, не нов. Его высказал Маркс еще в сороковых годах [1]), имея в виду, главным образом, немецких евреев. Его повторил Каутский в 1903 году [2]), имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр об'ясняет тем, что „евреи не имеют замкнутой колонизационной области" [3]). Об'яснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только, как ее остов, но и как „национальный" рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях, вообще, живут в городах, причем, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в инонациональные области в качестве национальных меньшинств, евреи обслуживают, главным образом, „чужие" нации и как промышленники, и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к „чужим нациям" в смысле языка и проч. Все это в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам

---

[1]) см. его „Еврейский вопрос", 1906.

[2]) см. его „Кишиневская резня и еврейский вопрос", 1906.

[3]) см. „Нац. вопрос", 383.

капитализма, ведет к ассимиляции евреев. Уничтожение „черты оседлости" может лишь ускорить последнюю.

В виду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!

Тем не менее, Бунд стал на эту курьезную и шаткую позицию, приняв на своем VI с'езде (1905 г.) „национальную программу" в духе национальной автономии.

Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг.

Первое обстоятельство — это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих, и только еврейских. Еще до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание „специально еврейской рабочей организации"[1]). В 1898 году они создали такую организацию, об'единившись в Бунд. Это еще в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, все более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии...... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается массовое рабочее движение. Растет польская с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растет российская с.-д. и привлекает к себе „бундовских" рабочих. Национальные рамки Бунда, лишенные территориальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо

---

[1]) см. протоколы II с'езда, стр. 176.

отстоять свое самостоятельное существование как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создается „теория“ Бунда, как „единственного представителя еврейского пролетариата.“

Но оправдать эту странную „теорию“ как-нибудь „просто“ становится невозможным. Необходима какая либо „принципиальная“ подкладка, „принципиальное“ оправдание. Такой подкладкой и оказалась национальная автономия. Бунд ухватился за нее, позаимствовав у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев, Бунд выдумал бы ее для того, чтобы „принципиально“ оправдать свое самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV с'езд) Бунд окончательно принимает „национальную программу“ в 1905 году (VI с'езд).

Второе обстоятельство—это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств внутри иных национальных компактных большинств целостных областей.

Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев, как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это—процесс об'ективный. Субьективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции.

Проповедуя жизненность еврейской национальности, Бунд не мог не стать на точку зрения „гарантии“. Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо, если и мог ухватиться Бунд за какую либо автономию, то только за национальную, т. е., культурно-национальную: о территориально-политической автономии евреев не могло и быть

речи в виду отсутствия у евреев определенной целостной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчеркивал характер национальной автономии, как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии „свободного развития“ наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II съезде российской с.-д. Гольдблат формулировал национальную автономию как „учреждения, гарантирующие им (нациям. И. С.) полную свободу культурного развития“[1]).

С таким же предложением вошли в четвертую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на курьезную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведет к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришел к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию еще со специальной стороны, со стороны гарантии прав национальных меньшинств. Разберем вопрос с этой специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах—и не только еврейских—имеет для социал демократии серьезное значение.

Итак, *„учреждение, гарантирующее“* нациям „полную свободу культурного развития“ (курсив наш. И. С.)

Но что это за учреждение, „гарантирующее“ и проч.?

Это прежде всего „национальный совет“

---

[1]) См. „Формы нац. движения“ под редакцией Кастелянского, стр. 772.

Шпрингера-Бауэра, нечто в роде сейма по культурным делам.

Не могут ли эти учреждения гарантировать „полную свободу культурного развития“ нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу „культурного развития“ поляков, но он не только не успел в этом, а наоборот сам пал в неравной борьбе с обще-политическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от „покушений“, но много ли удается ему сделать в этом направлении—это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но решающим является все же не сам сейм, а общие порядки в России: будь теперь в России такие же грубо азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма, финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика „покушений“ на Финляндию растет и нельзя сказать, чтобы она терпела поражение...

Если так обстоит дело со старыми, исторически-сложившимися учреждениями, с политическими сеймами, то тем более не могут гарантировать свободного развития нации молодые сеймы,

молодые учреждения, да еще такие слабые, как „культурные“ сеймы.

Дело, очевидно, не в „учреждениях“, а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации—нет и гарантии „национального развития“. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше „покушений“ на „свободу национальностей“, тем больше гарантии от „покушений“.

Россия—страна полуазиатская, и потому политика „покушений“ принимает там нередко самые грубые формы, формы погрома. Нечего и говорить, что „гарантии“ доведены в России до крайнего минимума.

Германия—уже Европа с большей или меньшей политической свободой,—не удивительно, что политика „покушений“ никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, еще больше „гарантий“, так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря ее высокой, хотя и буржуазной демократичности, национальностям живется свободно--все равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что „учреждения“ сами по себе могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России предварительным условием „создания учреждений“ и гарантии свободы. Но это неверно. Из „Отчета о 8-й конференции Бунда“ видно, что Бунд думает добиться „учреждений“

на основе теперешних порядков в России, путем реформирования еврейской общины.

„Община, говорил на этой конференции один из лидеров Бунда, может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживания нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то-же содержание. Это—звенья одной цепи, этапы одной эволюции“ [1]).

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться *„за реформирование еврейской общины и превращение ее законодательным путем в светское учреждение“, организованное демократически*[2]) (курсив наш И. С.)

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее „светское учреждение“ евреев, полученное путем „реформирования еврейской общины“, так сказать, в порядке „законодательном“, через Думу.

Но мы уже видели, что „учреждения“ сами по себе, без демократических порядков во всем государстве, не могут служить „гарантиями“.

Ну, а как все-таки, при будущем демократическом строе, не понадобятся ли, по крайней мере, при демократизме специальные „культурные“ учреждения, „гарантирующие“ и прочее? Как обстоит на это счет дело, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, вроде Шпрингеровского „национального совета“? Их там нет. Но не страдают ли через это культурные интересы, на-

---

[1]) См. „2-й отчет о VIII-й конфер. Бунда“, 1911 г., стр. 62,
[2]) См. там-же, стр. 83—84.

пример, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные „учреждения“, якобы „гарантирующие“ и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем—таковы „учреждения“ культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится уже вредной, когда ее навязывают „нации“, существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности „нации“, не только полезные, но и вредные,—лишь-бы „спасти“ нацию от ассимиляции, лишь-бы „уберечь“ ее.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд.

И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о „субботе“, „жаргоне“ и проч...

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется,—он требует, чтобы „*с особенной настойчивостью*“ отстаивали „*права еврейского языка*“ (курсив наш. И. С.) [1]), причем сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдает „предпочтение тому из них (т. е., выборщиков), которые обязуются отстаивать права еврейского языка“ [2]).

Не общее право родного языка, а о т д е л ь н о е право еврейского языка, жаргона! Пусть

---

[1]) См. „Отчет о VIII-й конференц. Бунда“, стр. 85.

[2]) См. „Отчет о IX-й конференц. Бунда“, 1912 г., стр. 42

рабочие отдельных национальностей борются прежде всего за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр.,—борьба за общее право всей наций—вещь второстепенная. Вы можете не признавать права родного языка всех наций угнетенных национальностей, но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд „предпочтет“ вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы „в законодательном порядке“ было „обезпечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день“ [1]).

Надо думать, что Бунд сделает „шаг вперед“ и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предразсудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за „право субботы“ будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, „дух субботний“...

Вполне понятны поэтому „пламенные речи“ ораторов на VIII-й конференции Бунда с требованием „еврейских больниц“, причем требование это обосновывалось тем, что „больной чувствует себя лучше среди своих“, что „еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников“... [2]).

---

[1]) См. „Отчет о VIII-й конференц. Бунда“, стр. 83.
[2]) См. 68 стр., „Отчет о VIII-й конференции Бунда“.

Сохранить все еврейское, консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить,—вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд „приспособляет социализм к национализму“. Конечно, Вл. Косовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова „демагогом“ [1],—бумага все терпит,—но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о „демагогии“...

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курий в социал-демократии. Такова уже логика национальной автономии.

И действительно, от теории „единственного представительства“ Бунд переходит к теории „национального размежевания“ рабочих. Бунд требует от российской социал демократии, чтобы она „провела в своем организационном строении размежевание по национальностям“ [2].
От „размежевания“ же делает „шаг вперед“ к теории „обособления“. Не даром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что в „обособлении—национальное существование“ [3].

---

[1]) См. „Наша заря“, 1912 г., №№ 9—10, стр. 120.
[2]) См. „Извещение о VII съезде Бунда“, стр. 7.
[3]) См. „Отчет VIII конф. Бунда“, стр. 72.

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идет к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше итти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определенной целостной территории, он подвизается на „чужих" территориях, между тем, как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал демократии являются интер национально-территориальными коллективами. Но это ведет к тому, что каждое расширение этих коллективов означает „урон" для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма,—и тогда Бунд получает возможность „обеспечить" себе еврейский пролетариат; либо территориально-интернациональный принцип этих коллективов остается в силе,—и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской с.-д.

Этим и об'ясняется, что Бунд с самого начала требует „преобразования российской с. д. на федеративных началах" [1]).

В 1906 г. Бунд, уступая об'единительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал демократию. Но как он вошел туда? В то время, как польская и латышская социал демократия вошли для мирной совместной работы, Бунд вошел с целью войны за федерацию. Лидер бундовцев Медем так и говорил тогда:

---

[1]) См. „К вопросу о нац. авт. и преобразовании рос. социал-демократии на федерат. началах". Издание Бунда.

„Мы идем не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать ее в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооруженным с головы до ног“ [1]).

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой он не может не бороться с российской соц.-демократией, построенной на началах интернациональности. Борясь же с ней, Бунд естественно нарушал интересы единства. Наконец дело доходит до того, что Бунд формально порывает с российской с. д., нарушив устав и об'единившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с. д.

Бунд, очевидно, нашел, что разрыв является наилучшим обеспечением его самодеятельности.

Так „принцип“ организационного „размежевания“ привел к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизируя о федерализме со старой „Искрой“, Бунд писал когда то:

„Искра“ хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской с.-д. должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует, как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт с.-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партейтага 1897 г.“ [2]).

Это писалось в 1902 г.

---

[1]) См. „Наше Слово“, № 3, стр. 24, Вильна, 1906 г.

[2]) См. „К вопросу о нац. автономии“, отп., 1902 г., 17 стр. Издание Бунда.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская „практика“, и „опыт с.-д. Австрии“. О чем же они говорят?

Начнем с „чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии“. Еще до 1896 года в Австрии существует единая с-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском Международном Конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на венском партейтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо нее федеративный союз шести национальных с.-д. групп. Далее эти „группы“ превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-по-малу разрывают связь между собой. За партиями разрывается парламентская фракция —образуются национальные „клубы“. Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты[1]). Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их нередко на путь штрейкбрехерства.

Итак, „чрезвычайно поучительный опыт соц.-демократии Австрии“ говорит против Бунда, за старую „Искру“. Федерализм в австрийской партии привел к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что „практика в России“ говорит о том же. Бундовские сепаратисты, так же как и чешские, порвали с общей российской соц. демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого начала были организованы

---

[1]) См. в „Documente des Separatismus“, слово из брошюры Банека, стр. 29.

на началах национальности, т. е., были оторваны от рабочих других национальностей.

Полное обособление, полный разрыв—вот что показывает „русская практика“ федерализма.

Неудивительно что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, при чем последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду все учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

.. „Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как желтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фабрики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам. *Если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими*“ [1]) (курсив наш И. С.).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В „размежевании и „обособлении“ дальше некуда итти. Бунд достиг цели: он межует рабочих разных национальностей до драки, до штрейкбрехерства. Нельзя иначе: „Если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими“...

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии—вот куда приводит бундовский федерализм.

Таким образом, идея национальной автономии, атмосфера, которую она создает, оказалась еще более вредной в России, чем в Австрии.

---

[1]) См. „Отчет о IX конференц. Б.“, стр. 19.

6. Кавказцы, конференция ликвидаторов.

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских соц.-демократов, не устоявшей против националистического „поветрия". Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли—как это ни странно—по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа,—так формулируют свое требование эти социал демократы—кстати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного Н.

„Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельско-хозяйственной культуре. Эксплоатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы законы, преследующие цели эксплоатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдет издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплоатации местной территории, цели материального процветания края" [1]).

---

[1]) См грузинскую газету „Чвени Сховреба" („Наша жизнь") 1912 г., № 12.

Итак—областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки Н., несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правильный. Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и Н. не отрицает,—в самом деле необходима в виду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признано и российской социал-демократией, провозгласившей на II с'езде „областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно русских областей".

Вносся этот пункт на обсуждение II с'езда, Мартов мотивировал это тем, что „громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ".

Но Н. идет дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает „лишь одну сторону вопроса".

„До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная"…. „Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере"…. „Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке"…. „Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального развития края об'единяет нации, то национально-культур-

ные дела раз'единяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определенной территорией"....
„Не то—культурно национальные дела. Они связаны не с определенной территорией, а с существованием определенной нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмем, например, армянскую церковь. В ведении ее дел принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как тифлисский грузин, так и бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям. Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей" [1]).

Короче: так как культура—не территория, а территория—не культура, то необходима культурно-национальная автономия. Это все, что может сказать Н. в пользу последней.

Мы не будем здесь еще раз касаться национально-культурной автономии вообще; выше мы уже говорили об ее отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что непригодная вообще, культурно-национальная автономия является, кроме того, бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предпо-

---

[1]) См. грузинскую газету „Чвени Сховреба", 1912 г., № 12.

лагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их „организовать“ в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией?

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющих своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их „организовать“ в национальные союзы? Вокруг каких „культурных дел“ их „организовать“?

Как быть с осетинами, из коих кавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их „организовать“ в единый национальный союз.

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не „организовать“ ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингулойцы?

Что это за автономия, исключающая из списка целый ряд народностей?

Но допустим недопустимое и предположим, что национально культурная автономия г на Н. осуществилась. К чему она поведет, к каким ре-

зультатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всесильные муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что организовать их в культурно-национальный союз—это значит поставить во главе их мулл, это значит отдать их на с'едение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних... Но с каких пор социал-демократы стали лить воду в мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабаляющий массы злейшим реакционерам—неужели ничего лучшего не могли „провозгласить“ кавказские ликвидаторы?!..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперед и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем, как культурно-национальная автономия действует в прямо-противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низких ступенях культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым национальная автономия парали-

зует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль.

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально культурной и областной, которую предлагает Н.. Это противоестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает еще областную автономию в арену столкновений наций, организованных в национальные союзы.

Таким образом, непригодная вообще, культурно национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею.

Сделают ли кавказские ликвидаторы „шаг вперед“ и последуют ли за Бундом в его организационном вопросе—покажет будущее. До сих пор в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. еще с 1897 года проводили организационный федерализм и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем, как организационный федерализм практиковали еще с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придется предварительно разрушить все нынешнее организационное здание, построенное еще в конце 90-х годов, на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока еще непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же трудно будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и вспоенное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит

приступить к этой геростатовской затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

Если кавказцы решают национальный вопрос обыкновенным способом, путем устных прений и литературной дискуссии, то всероссийская конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ. Легкий и простой способ. Слушайте:

„Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идет в разрез с точным смыслом последней.“

Итак, прежде всего—„невысказываться по существу этого“ вопроса, а потом—„констатировать“. Оригинальный метод...

Что же „констатирует“ эта оригинальная конференция?

А то, что „требование национально-культурной автономии“ не идет в разрез с точным смыслом“ программы, признающей право нации на самоопределение.

Разберем это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций. По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идет о политическом самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное

во всей международной соц.-демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увертываться, защищаясь софизмом: дескать культурно-национальная автономия „не идет в разрез“ с правами наций? То есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на началах культурно национальной автономии, то они, данная сумма наций, имеют на это полное право, и никто не может им **насильственно** навязать другую форму политической жизни. И ново и умно. Не добавить ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить ее системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определить свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая националная реакционность „не идет в разрез“ с **правами наций**

Не это ли хотела сказать почтенная коференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно национальная автономия „не идет в разрез“ не с правами наций, а „с точным смыслом“ программы. Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции ликвидаторов обратилась какая либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а „делегация“ кавказских социал-демократов, правда, плохих социал демократов, но все-таки социал-демократов, и спрашивали они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-националь-

ная автономия принципам социал-демократии, не идет она „в разрез“ с „точным смыслом“ программы социал-демократии?..

Итак, права нации и „точный смысл“ программы социал-демократии не одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя в разрез с правами наций, могут итти в разрез с „точным смыслом“ программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц имеет право исповедывать любую религию: католицизм, православие и т. д. Социал-демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков, протестантов. Значит ли это, что католицизм, протестантизм и т. д. „не идут в разрез с точным смыслом“ программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм, протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против претестантизма, и против православия с тем, чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм, православие и т.д. без сомнения „идут в разрез с точным смыслом“ программы, т. е., с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое свое— национальное учреждение, и вредное, и полезное, никто не может (не имеет права!) насильственно

вмешиваться в жизнь нации. Но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю нации так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата.

Именно, поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно национальной автономии кавказских наций, ибо и то и, другое, не идя в разрез с *правами* этих наций, идет однако, в разрез „с *точным смыслом*“ *программы*, т. е., с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, „права наций“ и „точный смысл“ программы—две совершенно различные плоскости. В то время, как „точный смысл“ программы выражает интересы пролетариата, научно формулированные в программе последнего,—права наций могут выражать интересы любого класса—буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там *обязанности* марксиста, здесь *права* наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут итти или не „итти в разрез“ друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. Получилось не разрешение национального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии „не идут в разрез“ друг с другом,—

следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет „итти в разрез“ с „точным смыслом“ программы!...

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции ликвидаторов, по которому требование национально-культурной автономии „не идет в разрез с точным смыслом“ программы.

Но конференция ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она самым определенным образом нарушает „точный смысл“ программы, ибо известно, что 2-й с'езд, принявший программу, решительно отверг культурно национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу на этом с'езде:

„Гольдблат (бундовец): я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечили бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8 „и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития“ (это, как известно, бундовская формулировка культурно национальной автономии. И. С.).

„Мартынов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особого учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальностей“.

„Егоров. В вопросе о национальности мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е., мы против всяких стеснений национальности. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность разви-

ваться, как таковая. Это—дело стихийного процесса".

„Кольцов. Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходить речь об их национализме. Между тем, та поправка, которая внесена делегатом от Бунда,—чисто националистического характера. От нас требуют чисто наступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают".

...„В результате поправка Гольдблата отвергнута большинством против трех".

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла „в разрез с точным смыслом" программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский с'езд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию. Так, Вл. Коссовский пишет:

„Как известно, по договору, принятому на Стокгольмском с'езде, Бунду предоставлено было право сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на обще партийном с'езде). Этот с'езд признал, что национально культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе" [1]).

Между тем, с'езд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда—он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду. Но факты сами говорят о себе. Вот они:

„Вносится поправка Галиным: „вопрос о национальной программе **остается открытым**,

---

[1]) См. „Наша Заря", 1912 года, № 9—10, стр. 120.

ввиду **нерассмотрения** его с'ездом" (за—50 голосов, против—32)".

„Голос. Что значит—открытым"?

„Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остается открытым, то это значит, что Бунд до следующего с'езда может сохранить свое решение по этому вопросу"[1]).

Как видите, с'езд даже „не рассмотрел" вопроса о национальной программе Бунда—он просто оставил его „открытым", предоставив самому Бунду решить судьбу своей программы до следующего общего с'езда. Другими словами: с'езд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определенным образом входит в оценку дела, признает культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует ее именем программы партии.

Разница бросается в глаза.

Таким образом, конференция ликвидаторов, несмотря на всякие, ухищения, ни на шаг не двинула вперед национального вопроса.

Влияние перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами—это все, на что она оказалась способной.

7. Национальный вопрос в России.

Нам остается наметить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решен лишь неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

---

[1]) См. „Наше Слово", № 8, 1906 г., стр. 53.

Россия живет в переходное время, когда „нормальная“, „конституционная“ жизнь еще не установилась, когда кризис ещ̈е не разрешен. Отсюда движение, наличное и грядущее, движение, ставящее себе те же цели, что и в годы первого под'ема (в 1905 г.).

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, полная демократизация страны, как основа и условие решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем.

Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно, но он рвется в чужие страны, ищет новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних коньюнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграду.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, право самоопределения, как необходимый пункт в решения национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна.

Во-первых, она искусственна и нежизненна,

ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь, раз'единяет и перебрасывает в разные концы государства.

Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведет к точке зрения „размежевания" людей по национальным куриям, к точке зрения „сохранения" и культивирования „национальных особенностей", — дело, совершенно не идущее к социал-демократии.

Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхстаге, отделившись от немецких с.-д. депутатов, об'единились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское „коло". Не случайность и то, что русские сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося „субботу" и „жаргон". В Думе нет еще бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в „руководящих учреждениях" которой Бунд устраивает, пока что, об'единенку" еврейских рабочих и буржуа[1]). Такова уже логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение — областная автономия, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории.

---

[1]) Отчет „VIII конф. Бунда", конец резолюции в общине.

Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок,—наоборот, она только ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам.

Наконец, она дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не дожидаясь решений общего центра,—функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, **областная автономия, как необходимый пункт** в решении национального вопроса.

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основания лишь в том случае, если страна остается при старых порядках. Будь в стране полный демократизм,—опасения потеряли бы всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно ни отсутствием национального союза, а отсутствием права родного

языка. Дайте ему пользоваться родным языком,— и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу,—и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести, передвижения и проч. Дайте ему эти свободы,—и оно перестанет быть недовольным.

Итак, национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и проч.), как необходимый пункт в решении национального вопроса. Общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны, и запрещающий все без исключения виды национальных привиллегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств,—в этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав национальных меньшинств.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создает благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом, то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую естественно распространяет национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размеже-

вания по национальности, и та и другая предполагают организацию по национальности. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь—с.-д. рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии, — таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России... красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого—организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих разных национальностей в единые и целостные коллективы, сплочение таких коллективов в единую партию,—такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка не исключает, а предполагает широкую автономию областей внутри единого партийного целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможной резни и перестрелок, если в Баку, этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло могучего движения,—то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал-демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую

печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живет жизнью своей организации, он там растет духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими инонациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством общего коллектива, — он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие прежде всего,— члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма.

А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоев рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не общее между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий прежде всего—член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что национальный федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения.

Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной сплоченности и тип организационного „размежевания" рабочих по национальностям.

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха.

Примиренческий устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. „Примирение“ оказывалось не только утопичным, но и вредным. Штрасер прав, утверждая, что „сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергском партейтаге“ [1]).

То же самое в России. „Примирение“ с федерализмом Бунда, состоявшемся на Стокгольмском съезде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в единую организацию, включающую рабочих всех национальностей И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что в 1907 и в 1908 году российская социал демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было наконец осуществлено. Бунд, начавший с организационно-национальной автономии, перешел на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внес в нее разброд и деморализацию. Вспомним, хотя бы дело Ягелло.

Поэтому путь „примирения“ должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: либо федерализм Бунда, и тогда—российская социал-демократия перестраивается на началах „размежевания“ рабочих по национальностям, либо интернациональный тип организации, и тогда—Бунд перестраивается на началах территориальной автономии, по образцу

---

[1]) См. его: „Der Arbeiter und die Nation“, 1912 г.

кавказской, латышской и польской социал-демократии, открывал дорогу делу непосредственного об'единения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

Среднего нет: принципы побеждают, а не „примиряются“.

Итак—принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Вена. 1913 г. Январь.

Октябрьский переворот и национальный вопрос.

Национальный вопрос не есть нечто самодовлеющее, раз навсегда данное. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и вообще всем ходом общественного развития. Это особенно ярко сказывается в период революции в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняют свое содержание в зависимости от хода и исхода революции.

I. Февральская революция и национальный вопрос.

В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 года) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплоатировавшиеся „старым режимом" национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. „Ликвидация национального гнета",—таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись „общенациональными" учреждениями. Во главе движения шла национальная буржуазно - демократическая

интеллигенция „Национальные Советы“ в Латвии, Эстском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербейджане, в горах Кавказа, Киргизистане и Среднем Поволжье; „Рада“ на Украине и Белоруссии: „Сфатул Церий“ в Бессарабии: „Курултай“ в Крыму и Башкирии, „Автономное правительство“ в Туркестане,—вот те „общенациональные“ институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия. Речь шла об освобождении от царизма, как „основной причины“ национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось, как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать февральскую революцию для образования „своего“ национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов. При этом упускалось из вида, что на смену царизма идет оголенный, лишенный маски империализм, что он, этот империализм, является более сильным и более опасным врагом национальностей, основой нового национального гнета.

Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повели однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета. Правительство Львова—Милюкова—Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но и организовало еще новый поход против Финляндии (разгон сейма летом 1917 года) и Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того: это правительство, империалистическое по своей природе, призвало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых

колоний и национальностей. К этому толкали его не только внутренняя природа империализма, но и наличие на Западе старых империалистических государств, неудержимо стремившихся к подчинению новых земель и национальностей и угрожавших ему сужением сферы его влияния. Борьба империалистических государств за подчинение мелких национальностей, как условие существования этих государств,—вот какая картина раскрылась в ходе империалистической войны. Уничтожение царизма и появление на сцену правительства Милюкова—Керенского не внесли ровно никаких улучшений в эту неприглядную картину. Естественно, что поскольку „общенациональные" институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам „своих" рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство. Так-называемые „национальные полки" лишь подливали масло в огонь: против опасности сверху они были бессильны, опасность же снизу они только усиливали и углубляли. „Общенациональные" институты оставались беззащитными против ударов извне так же, как и против взрыва изнутри. Зарождавшиеся буржуазно-национальные государства, не успев расцвести, начинали отцветать.

Таким образом, старое буржуазно-демократическое толкование принципа самоопределения превращалось в фикцию, теряло свой революционный смысл. Ясно, что об уничтожении национального гнета и самостоятельности мелких и национальных государств при таких условиях не могло

быть и речи. Становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения „своей“ национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами.

Это особенно ярко сказалось после октябрьского переворота.

II. Октябрьская революция и национальный вопрос.

Февральская революция таила в себе внутренние непримиримые противоречия. Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат), между тем, как в результате революции власть перешла не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии. Производя революцию, рабочие и крестьяне хотели покончить с войной, добиться мира, между тем,—как ставшая у власти буржуазия стремилась использовать революционное воодушевление масс для продолжения войны против мира. Хозяйственная разруха в стране и продовольственный кризис требовали экспроприации капиталов и промышленных предприятий в пользу рабочих, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, между тем, как буржуазное правительство Милюкова—Керенского стояло настраже интересов помещиков и капиталистов, решительно оберегая последних от покушений со стороны рабочих и крестьян. Это была буржуазная революция, произведенная руками рабочих и крестьян в пользу эксплоататоров.

Между тем, страна продолжала изнывать под тяжестью империалистической войны, хозяйственного развала и продовольственой разрухи. Фронт

разваливался и растекался. Фабрики и заводы останавливались. В стране нарастал голод. Февральская революция с ее внутренними противоречиями оказалась явно недостаточной для „спасения страны“. Правительство Милюкова—Керенского оказалось явно неспособным разрешить коренные вопросы революции.

Необходима была новая социалистическая революция для того, чтобы вывести страну из тупика империалистической войны и хозяйственного развала.

Эта революция пришла в результате октябрьского переворота.

Свергнув власть помещиков и буржуазии и поставив на ее место правительство рабочих и крестьян, октябрьский переворот одним ударом решил противоречия февральской революции. Упразднение помещичье-кулацкого всевластия и передача земли в пользование трудовых масс деревни; экспроприация фабрик и заводов и передача их в ведение рабочих; разрыв с империализмом и ликвидация грабительской войны; опубликование тайных договоров и разоблачение политики захвата чужих территорий; наконец, провозглашение самоопределения трудовых масс угнетенных народов и признание независимости Финляндии,—вот те основные мероприятия, которые провела Советская власть в ходе революции.

Это была действительно социалистическая революция.

Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И действительно революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая

окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до октября „национальных советов“ и областных „прави тельств“ (Дон, Кубань, Сибирь) Дело в том, что эти „национальные“ правительства и слышать не хотели о социалистической революции. Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир,—наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализмом,— наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки „чужих“ национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что „национальные правительства“ на окраинах об'явили войну социалистическому правительству в центре. Об'явив же войну, они естественно стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя все контр-революционное в России Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные из России контр-революционеры, что там, вокруг этих очагов, формировались они в белогвардейские „национальные“ полки.

Но, кроме „национальных“ правительств на окраинах существуют еще национальные рабочие и крестьяне. Организованные в свои революционные совдепы по образцу совдепов в центре России еще до октябрьского переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на Севере. Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма. Неудивительно, что их конфликт со „своими“ „национальными“ правительствами нарастал день за днем. Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и

крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма. Война „национальных" правительств с Советской властью довела их конфликт с этими „правительствами" до полного разрыва с ними, до открытого восстания против них.

Так сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контр-революционного союза национально - буржуазных „правительств" окраин России.

Иные изображают борьбу окраинных „правительств", как борьбу за национальное освобождение против „бездушного централизма" Советской власти. Но это неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как Советская власть в России. Борьба окраинных „правительств" была и остается борьбой буржуазной контр-революции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контр-революционных замыслов национальной буржуазии.

Но борьба „национальных" и областных „правительств" оказалась борьбой неравной. Атакованные с двух сторон,—извне—со стороны Советской власти и изнутри—со стороны „своих же собственных" рабочих и крестьян, „национальные" правительства должны были отступить после первых же боев. Восстание финских рабочих и торпарей и бегство буржуазного „Сената"; восстание украинских рабочих и крестьян и бегство буржуазной „Рады"; восстание рабочих и крестьян на Дону, Кубани, в Сибири и крах Каледина, Корнилова и Сибирского „правительства"; восстание туркестанской бедноты и бегство „Автономного правитель-

ства"; аграрная революция на Кавказе и полная безпомощность „национальных советов" Грузии, Армении и Азербейджана,—таковы всем известные факты, демонстрировавшие полную оторванность окраинных „правительств" от „своих" масс. Разбитые на голову, „национальные правительства „вынуждены" были обратиться за помощью против „своих" рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплоататорам мелких национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,—полоса, лишний раз разоблачившая контр-революционный характер „национальных" и областных „правительств".

Только теперь стало для всех очевидным, что национальная буржуазия стремится не к освобождению „своего народа" от национального гнета, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов.

Только теперь стало ясным, что освобождение угнетенных национальностей немыслимо без разрыва с империализмом, без свержения буржуазии угнетаемых национальностей, без перехода власти в руки трудовых масс этих национальностей.

Так старое буржуазное понимание принципа самоопределения с лозунгом „вся власть национальной буржуазии" было разоблачено и отброшено самым ходом революции. Социалистическое понимание самоопределения с лозунгом „вся власть трудовым массам угнетенных национальностей" получило все права и возможности применения.

Таким образом, октябрьский переворот, покончив со старым буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового социалистического движения рабочих и крестьян угне-

тенных национальностей, направленного против всякого,—значит, и национального,—гнета, против власти буржуазии, „своей“ и чужой, против империализма вообще.

III. Мировое значение октябрьского переворота.

Победив в центре России и овладев рядом окраин, октябрьская революция не могла ограничиться территориальными рамками России. В атмосфере мировой империалистической войны и общего недовольства в низах она не могла не перекинуться в соседние страны. Разрыв с империализмом и освобождение России от грабительской войны; опубликование тайных договоров и торжественная отмена политики захвата чужих земель; провозглашение национальной свободы и признание независимости Финляндии; объявление России „федерацией Советских национальных республик“ и брошенный в мир Советской властью боевой клич решительной борьбы с империализмом,—все это не могло не оказать серьезного влияния на порабощенный Восток и истекающий кровью Запад.

И, действительно, октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом. Образование рабочих и крестьянских советов в Персии, Китае и Индии по образцу Советов в России достаточно убедительно говорит об этом.

Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером, толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма. Восстание

рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование советов рабочих и солдатских депутатов, революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального гнета достаточно красноречиво говорят об этом.

Дело вовсе не в том, что борьба на Востоке и даже на Западе не успела еще освободиться от буржуазно националистических наслоений,—дело в том, что борьба с империализмом началась, что она продолжается и неминуемо должна дойти до своего логического конца.

Иностранное вмешательство и оккупационная политика „внешних“ империалистов только обостряют революционный кризис, втягивая в борьбу новые народы и расширяя район революционных схваток с империализмом.

Так октябрьский переворот, устанавливая связь между народами отсталого Востока и передового Запада, стягивает их в общий лагерь борьбы с империализмом.

Так национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма.

Смертный грех II Интернационала и его главы Каутского в том, между прочим, и состоит, что они все время сбивались на буржуазное понимание национального самоопределения, не понимали революционного смысла последняго, не умели или не хотели поставить национальный вопрос на революционную почву открытой борьбы с империализмом, не умели или не хотели связать национальный вопрос с вопросом об освобождении колоний.

Тупость соц.-демократов Австрии типа Бауэра и Реннера в том собственно и состоит, что они не

поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти, стараясь отделить национальный вопрос от политики и замкнуть его в рамки культурно-просветительных вопросов, забыв о существовании таких „мелочей“, как империализм и порабощенные им колонии.

Говорят, что принципы самоопределения и „защиты отечества“ отменены самым ходом событий в обстановке поднимающейся социалистической революции. На самом деле отменены не самоопределение и „защита отечества“, а буржуазное их толкование. Достаточно взглянуть на оккупированные области, изнывающие под гнетом империализма и рвущиеся к освобождению; достаточно взглянуть на Россию, ведущую революционную войну для защиты социалистического отечества от хищников империализма; достаточно вдуматься в разыгрывающиеся теперь события в Австро-Венгрии; достаточно взглянуть на порабощенные колонии и полуколонии, уже организовавшие у себя советы (Индия, Персия, Китай),—достаточно взглянуть на все это, чтобы понять все революционное значение принципа самоопределения в его социалистическом толковании.

Великое мировое значение октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит, что он:

1) Расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов, колоний и полуколоний от империализма;

2) открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом;

3) перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и порабощенным Востоком, построив новый фронт революций от пролетариев Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока против мирового империализма.

Этим собственно и об'ясняется тот неописуемый энтузиазм, с которым относятся ныне к российскому пролетариату трудящиеся и эксплоатируемые массы Востока и Запада.

Этим, главным образом, и об'ясняется то зверское бешенство, с которым набросились теперь на Советскую Россию империалистические хищники всего мира.

Москва, 1918 г., Ноябрь.

Политика Советской власти по национальному вопросу в России.

Три года революции и гражданской войны в России показали, что без взаимной поддержки центральной России и ее окраин невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма. Центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистскую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой центральной России. Если верно положение, что более развитый пролетарский Запад не может доканать всемирную буржуазию без поддержки менее развитого, но богатого сырьем и топливом крестьянского Востока, то столь же верно другое положение о том, что более развитая центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми рессурсами, окраин России.

Это обстоятельство несомненно учитывалось Антантой с первых же дней появления Советского правительства, когда она (Антанта) проводила план экономического окружения центральной России путем отрыва от нее наиболее важных окраин. В дальнейшем план экономического окружения России остается неизменной основой всех походов

Антанты на Россию, с 1918 года по 1920 г., не исключая нынешних ее махинаций на Украине, в Азербейджане, в Туркестане.

Тем больший интерес приобретает обеспечение прочного союза между центром и окраинами России.

Отсюда необходимость установления определенных отношений, определенных связей, между центром и окраинами России, обеспечивающих тесный, нерушимый союз между ними.

Каковы же должны быть эти отношения, в какие формы они должны отлиться?

Иначе говоря: в чем состоит политика Советской власти по национальному вопросу в России?

Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено, не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра, так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подорвало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т. д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить недавнюю историю с Украиной и Азербейджаном, когда первая расхищалась немецким капиталом, а вторая Антантой,— чтобы понять всю контр-революционность требования отделения окраин при настоящих междуна-

родных условиях. В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистской Антантой для окраин возможно лишь два выхода:

Либо вместе с Россией и тогда — освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

Либо вместе с Антантой и тогда—неминуемое империалистическое ярмо.

Третьего выхода нет. Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов.

Конечно, окраины России, нации и племена, населяющие эти окраины, как и всякие другие нации, имеют неот'емлемое право на отделение от России, и если бы какая-либо из этих наций решила в своем большинстве отделиться от России, как это было с Финляндией в 1917 г., то России вероятно пришлось бы констатировать факт и санкционировать отделение. Но речь идет здесь не о планах наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин, речь идет о характере той агитации, который (характер) определяется этими интересами и которую (агитацию) обязана вести наша партия, если она (партия) не хочет отречься от самой себя, если она хочет повлиять на волю трудовых масс национальностей в определенном направлении. Ну, а интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контр-революционно.

Равным образом должна быть исключена так называемая культурно-национальная автономия,

как форма союза между центром и окраинами России. Практика Австро Венгрии (родины культурно-национальной автономии) за последние 10 лет показала всю эфемерность и нежизненность культурно национальной автономии, как формы союза между трудовыми массами национальностей многонационального государства. Шпрингер и Бауэр, эти творцы культурно национальной автономии, сидящие теперь у разбитого корыта своей хитроумной национальной программы, служат к тому живым доказательством. Наконец, глашатай культурно-национальной автономии в России некогда знаменитый Бунд, сам вынужден был недавно признать оффициально ненужность культурно-национальной автономии, открыто заявляя, что:

„Требование национально-культурной автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции". (См. „XII конференция Бунда", стр. 21, 1920 г.).

Остается *областная* автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, как единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами, автономия, долженствующая связать окраины России с центром узами федеративной связи. Т. е., та самая советская автономия, которая была провозглашена Советской властью с первых же дней ее появления на свет и которая проводится ныне на окраинах в виде административных коммун и автономных Советских Республик.

Советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное, она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития. От

узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваши, кореллы) она переходит к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой, политической, автономии—к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии—к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербейджан). Эта эластичность советской автономии составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватить все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития. Три года советской политики по национальному вопросу в России показали, что, осуществляя советскую автономию в ее разнообразных формах, Советская власть стоит на правильном пути, ибо только благодаря такой политике удалось ей проложить себе дорогу в самые захолустные дебри окраин России, поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связать эти массы с центром самыми разнообразными нитями,—задача, которую не только не решало, но и не ставило себе (боялись поставить!) ни одно правительство в мире. Административный передел России на началах советской автономии еще не закончен, северо-кавказцы, калмыки, черемисы, вотяки, буряты, и пр. ждут еще решения вопроса, но какой бы вид не приняла административная карта будущей России и каковы бы ни были недочеты, допущенные в этой области,—а некоторые недочеты действительно были,—нужно признать, что, производя административный передел на началах областной автономии, Россия сделала крупнейший шаг вперед по пути сплочения окраин вокруг пролетарского центра, по пути

сближения власти с широкими народными массами окраин.

Но, провозглашение той или иной формы советской автономии, издание соответствующих декретов и постановлений, даже создание окраинных правительств в виде областных Совнаркомов Автономных Республик далеко еще недостаточны для упрочения союза между окраинами и центром. Чтобы упрочить этот союз, нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как наследие зверской политики царизма. Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда во враждебные отношения, ко всему русскому. Чтобы упрочить союз между центральной Россией и окраинами нужно ликвидировать это недоверие, нужно создать атмосферу взаимного понимания и братского доверия. Но для того, чтобы ликвидировать недоверие, нужно прежде всего помочь народным массам окраин, освободиться от пережитков феодально-патриархального ига, нужно упразднить — на деле упразднить, а не на словах

только—все и всякие привеллегии колонизаторских элементов, нужно дать народным массам вкусить от материальных благ революции. Короче, нужно доказать массам, что центральная пролетарская Россия защищает ее и только ее интересы, и доказать это нужно не одними лишь репрессивными мерами против колонизаторов и буржуазных националистов, нередко совершенно непонятными массам, а, прежде всего, последовательной и продуманной экономической политикой.

Всем известно требование либералов о всеобщем обязательном обучении. Коммунисты на окраинах не могут быть правее либералов, они должны провести там всеобщее образование, если хотят ликвидировать народную темноту, если хотят духовно сблизить центр и окраины России. Но для этого необходимо развить местную национальную школу, национальный театр, национальные просветучреждения, поднять культурный уровень народных масс окраин, ибо едва ли нужно доказывать, что невежество и темнота самый опасный враг Советской власти. Мы не знаем насколько успешно идет наша работа в этом направлении, вообще, но нам сообщают, что в одной из важнейших окраин местный Наркомпрос расходует на местную школу всего лишь 10% своих кредитов. Если это верно, то нужно признать, что в этой области мы, к сожалению, не далеко ушли от „старого режима".

Советская власть не есть власть, оторванная от народа,—наоборот, она единственная в своем роде власть, вышедшая из русских народных масс и родная, близкая для них. Этим собственно и об'ясняется та невиданная сила и упругость, которую обычно проявляет Советская власть в критические минуты. Необходимо, чтобы Советская власть

стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, Советская власть должна стать прежде всего понятной для них. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, орган непосредственной власти (а также и органы партии) составились по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы в эти институты привлекались все лучшие люди из туземных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной, включая сюда и область военных формирований, чтобы массы видели, что Советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. Только таким путем можно установить нерушимую духовную связь между массами и властью, только таким путем можно сделать Советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин.

Некоторые товарищи смотрят на Автономные Республики в России и вообще на советскую автономию, как на временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться, чтобы со временем устранить его. Едва-ли нужно доказывать, что взгляд этот в корне неверен и, во всяком случае, не имеет ничего общего с политикой Советской власти по национальному вопросу. Советская автономия не есть нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма об'единения окраин с центральной Россией. Никто не станет отрицать, что Украина, Азербейджан, Туркестан, Киргизия, Башкирия, Татария и

др. окраины, поскольку они стремятся к культурному и материальному процветанию народных масс, не могут обойтись без родной школы, без суда, администрации, органов власти составленных преимущественно из местных людей. Более того, действительная советизация этих областей, превращение их в Советские страны, тесно связанные с центральной Россией в одно государственное целое, *немыслимы* без широкой организации местной школы, без создания суда, администрации, органов власти и пр. из людей, знающих быт и язык населения. Но поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке,—это именно и значит осуществить на деле советскую автономию, ибо советская автономия есть не что иное, как сумма всех этих институтов, облеченных в украинскую, туркестанскую, киргизскую и т. д. формы.

Как можно после этого серьезно говорить об эфемерности советской автономии, о необходимости борьбы с ней и пр.?

Одно из двух:

Либо украинский, азербейджанский, киргизский, узбекский, башкирский и пр. языки представляют действительную реальность, причем в этих областях, следовательно, абсолютно необходимо развить родную школу, суд, администрацию, органы власти из местных людей, и тогда—советская автономия должна быть проведена в этих областях до конца, без оговорок;

Либо украинский, азербейджанский и пр. языки являются пустой выдумкой, школы и пр институты на родном языке, следовательно, не нужны, и тогда—советская автономия должна быть отброшена прочь, как ненужный хлам.

Искание третьего пути есть результат незнания дела или печального недомыслия.

Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям Советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти итак малочисленные группы местных интеллигентов, которые, быть может, и хотели бы послужить народным массам, но не могут этого сделать, может быть, потому, что они, как не коммунисты считают себя окруженными атмосферой недоверия, боятся возможных репрессий. К этим группам с успехом может быть применена политика их вовлечения в Советскую работу, политика привлечения на хозяйственные, аграрные, продовольственные и иные посты в целях постепенной их советизации. Ибо едва-ли можно утверждать, что эти интеллигентские группы менее надежны, чем, скажем, те контр революционные военные специалисты, которые, несмотря на их контрреволюционность, все же были привлечены к работе и потом советизированы на важнейших постах.

Но использование национальных интеллигентских группок далеко еще недостаточно для удовлетворения потребности в инструкторах. Одновременно необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации

и пр. институтов на родном языке будет затруднена до крайности.

Не менее серьезной преградой по пути к осуществлению советской автономии является та поспешность, переходящая нередко в грубую безтактность, которую проявляют некоторые товарищи в деле советизации окраин. Когда эти товарищи в областях, отставших от центральной России на целый исторический период, в областях с не вполне еще ликвидированным средневековым укладом, решаются брать на себя „героические усилия" по проведению „чистого коммунизма", то можно с уверенностью сказать, что от такого кавалерийского набега, от такого „коммунизма" добра не будет. Этим товарищам мы хотели бы напомнить известный пункт нашей программы, по которому:

„Р. К. П. стоит на исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация, на пути от средневековья к буржуазной демократии, или от буржуазной демократии к Советской или пролетарской демократии и т. п.". И далее: „Во всяком случае со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных." (См. „Программу РКП".)

Т. е., если, например, прямой путь уплотнения квартир в Азербейджане отталкивает от нас азербейджанские массы, считающие квартиру, домашний очаг неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартир

нужно заменить косвенным, обходным для достижения той же цели. Или еще: если, например, дагестанские массы, сильно зараженные религиозными предрассудками, идут за коммунистами „на основании Шариата“, то ясно, что прямой путь борьбы с религиозными предрассудками в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными. И т. д., и т. д.

Короче: от кавалерийских набегов по части „немедленной коммунизации“ отсталых народных масс необходимо перейти к осмотрительной и продуманной политике постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития.

Таковы в общем те практические условия осуществления советской автономии, проведение которых обеспечивает духовное сближение и прочный революционный союз центра и окраин России.

Советская Россия проделывает невиданный еще в мире опыт организации совместного сожительства целого ряда национальностей и племен в рамках единого пролетарского государства на началах взаимного доверия, на началах добровольного, братского согласия. Три года революции показали, что этот опыт имеет все шансы на успех. Но он, этот опыт, может рассчитывать на полный успех лишь в том случае, если наша практическая политика по национальному вопросу на местах не будет расходиться с требованиями декларированной советской автономии, взятой в ее разнообразных формах и степенях, если наш каждый практический шаг на местах будет содействовать приобщению народных масс окраин к высшей пролетарской духовной и материальной культуре в формах, соответствующих быту и национальному облику этих масс.

В этом залог упрочения того революционного союза между центральной Россией и окраинами России, перед которым разлетятся в прах все и всякие махинации Антанты.

Москва, 1920 г. Октябрь.

(Р. В. Ц. Тула).

Отпечатано 25000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Государственное Издательство.
Тульское Отделение.
Гор. Тула, 1920 г.